

Александра Ершанская

Вещи
моего
детства

Александра Ершанская

Вещи моего детства

«Розовый жираф»

2018

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ершанская А.

Вещи моего детства / А. Ершанская — «Розовый жираф», 2018

ISBN 978-5-4370-0235-3

Книга Александры Ершанской понравится и взрослым, и детям. За перечнем предметов, ушедших из нашего привычного обихода – всех этих шаек, бидонов, авосек и чернильниц, – скрываются рассказы о советском детстве. Без налета идеологии, без оценок, нравоучений и чрезмерной ностальгии они говорят о главном: в любые времена детство – это годы, когда человек учится быть собой.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-4370-0235-3

© Ершанская А., 2018
© Розовый жираф, 2018

Содержание

От редактора	6
От автора	7
Чернильница-непроливайка	9
Гипсовый Пушкин	11
Банная шайка	14
Перьевая ручка	17
Лоскутное одеяло	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Ершанская

Вещи моего детства

© А. Ершанская, текст, 2018

© В. Полякова, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство «Розовый жираф», 2019

От редактора

В рассказах Александры Ершанской мне многое знакомо, поскольку она ровесница моей мамы, а я всегда с удовольствием слушаю ее истории о детстве. И все же, сколько бы ни было общего, разного больше. Потому что общее – это вещи и обстоятельства, а разное – сами люди. Ряды узнаваемых кукол, бидонов, пальто «Большевичка» и перьевых ручек-вставочек, кажется, делают одинаковыми всех советских людей, но это неправда! Люди всегда разные, и именно это и есть самое интересное. Зато вещи, которых было так мало, становятся «накопителями» воспоминаний. Скажешь «бидон» – и вспомнишь все: откуда он взялся, у кого еще был такой же, как мама берегла его и просила не ронять, чтоб не отбилась эмаль, а брат все-таки уронил... вспомнишь очередь за квасом и продавщицу, безбожно этот квас разбавлявшую, вспомнишь летний день, и длинную очередь, и платье без карманов, в котором была, потому – из-за отсутствия этих карманов – деньги на квас так и остались дома на столе...

Это воспоминания из моего «накопителя», а вы попробуйте провести эксперимент: спросите маму или бабушку, помнят ли они какие-то предметы, которыми пользовались в детстве или юности, и попросите рассказать о них. Увидите, историй получится немало, и все они будут на самом деле о людях.

Александра Ершанская не описывает вещи, а рассказывает истории. Она проработала шестнадцать лет в детском доме, двадцать – в школе и, конечно, умеет рассказывать так, чтобы ее было интересно слушать. В книге Ершанской вещный мир советского детства интересен не сам по себе, а потому что вобрал судьбу целого поколения и может рассказать о ней лучше любого учебника истории.

Надежда Крученицкая

От автора

Где-то в начале двадцать первого века моя ученица Аня спросила, сколько мне лет.
– Я родилась давно, в первой половине прошлого века.

– Вот это да! – обрадовалась Аня. – Значит, вы ровесница Тургенева. Мы его сейчас проходим.

В учебнике по литературе прошлым считался девятнадцатый век.

Конечно, между мной и Тургеневым – эпоха. Но между мной и Анечкой тоже эпоха, и мой 1948 год рождения от нее далеко-далеко. В мое детство уже можно водить, как в музей, где некоторые даты, вещи, продукты неведомы нынешнему поколению моих учеников.

В моем виртуальном музее – экспонаты, про которые моя память хранит забавные истории. Случаются эти истории по конкретным адресам моего детства: поселок Расторгуево под Москвой (до шести лет), затем Москва, Третья Мещанская, Безбожный переулок, дом 1, и после первого класса я переезжаю к бабушке по адресу Москва, улица Медведева (теперь Старопименовский переулок).

Еще небольшое пояснение к моим экспонатам. Мое детство не было голодным, но, например, масло в пачках покупалось только для детей, а за мукой и сахаром стояли длинные очереди.

Сейчас обо всем можно узнать в интернете. Но ни один «Яндекс» не смог объяснить моим ученикам слово «глухомань», пока я не сказала, что это место, где нет мобильной связи. И стало понятно. Мои истории показывают предметы с неожиданной стороны.

В музей часто приходят с мамами и папами, с бабушками и дедушками. Я надеюсь, что, прочитав мои рассказы, они вспомнят свои истории детства, и такой «музей» появится во многих семьях.

Чернильница-непроливайка

Некоторые вещи моего детства навсегда покинули наш быт. Одна из них – чернильница-непроливайка.

Ах, какая это была нужная вещь! В нашем первом классе на моей первой парте она стояла в специальной дырке прямо по центру. Справа от нее скрипела пером я, слева – Вовка. Вовку посадили со мной в воспитательных целях. Он был худой и очень вертлявый, а я толстая и устойчивая. Видимо, учительница считала, что рядом с моей монументальностью Вовка затихнет и займется учебой. Но не сбылось. Вовка продолжал вертеться – теперь уже в надежде отомстить «заразе» (то есть мне) за посадку на первую парту. И случай не заставил себя ждать.

Волосы у меня в первом классе были богатые. Косы аж до попы и еще курчавились по вискам. А полагалось гладко-гладко. Каждое утро мама делала мне прическу-«корзиночку». Это когда туго-натуго заплетались две косы, подворачивались сзади и подвязывались бантами на голове с двух сторон – левая коса справа, а правая слева. Один из бантов был со стороны Вовки. Вовка сидел весь урок в засаде.

– Вот видишь, можешь же не вертеться, – хвалила Вовку наша учительница Валентина Ивановна, радуясь своей педагогической мудрости.

И настал момент истины. Я задумалась над трудным примером. Вовка в одном безумном броске развязал мой бант, выхватил косу из «корзиночки», резко дернул и опустил конец косы в чернильницу-непроливайку. Я вырвала многострадальную косу из цепких рук Вовки и плена

непроливайки. Исполненная праведного гнева, я развернулась к обидчику. Впереди меня оружием мести летела моя полная чернил коса. Достигнув Вовки, она изо всех сил хлестнула его по лицу, заодно окропив чернилами и его школьную форму. Хорошо хоть, мальчишки моего детства носили гимнастерки сизого цвета – не так заметно. Ошалевший от этой чернильной атаки, с ругательствами, где самым нежным было слово «дура», Вовка вылетел из класса.

– И ты, Ершанская, немедленно домой. Мыть голову, – раздраженно сказала Валентина Ивановна, расстроенная крахом воспитательной идеи.

Кое-как подвязав синюю косу (ну чисто Мальвина), я поплелась домой. Во дворе школы я нагнала Вовку. Он понуро брел, подозрительно шмыгая носом.

– Будут ругать за форму? – сочувственно спросила я.

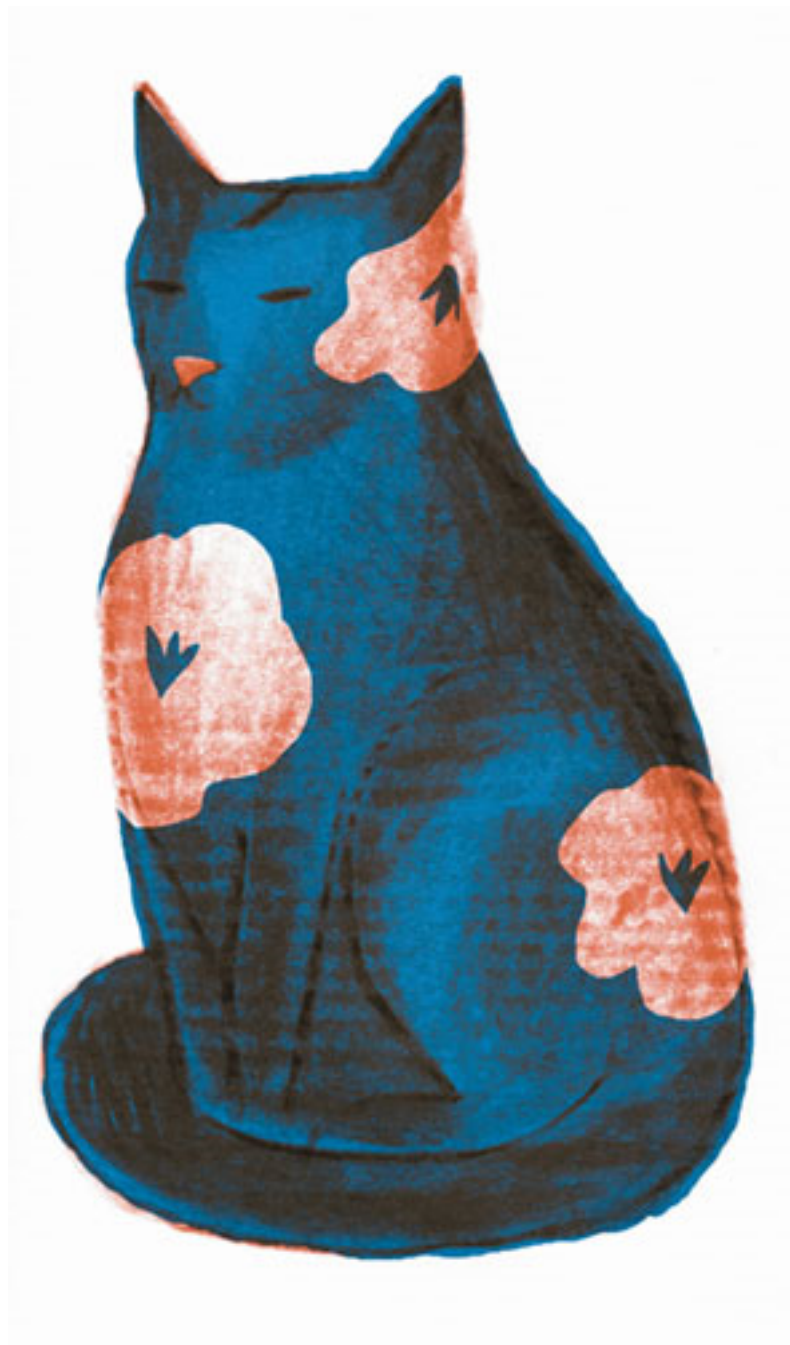
Вовка гордо поднял к небу подозрительно красные глаза.

– Ругать? – он высокомерно смерил меня взглядом. – Мать выпорет как сидорову козу. Ремнем. – И гордо добавил: – Отцовским.

Пороли матери. Отцов в нашем классе было мало.

Гипсовый Пушкин

Во времена моего детства некоторые вещи для украшения дома делались из раскрашенного гипса. И была мечта – кошка-копилка, черная в красных розах и синих васильках; сердце замирало от вида такой красоты на рыночном прилавке. На все мои страстные мольбы «Купи, пожалуйста!» бабушка неизменно сердилась и говорила малопонятные мне тогда слова о пошлости и мещанстве.

Но мое желание украсить свой стол сочла разумным и купила мне гипсовый бюстик Пушкина. Он был снежно-белым и без всяких цветочков. И мне не понравился. Но когда между мной и Пушкиным (нет, нет, не белым гипсовым, а настоящим) появилось нечто общее, то я этот бюстик даже полюбила.

Про мои связи с Пушкиным начну издалека. В семь лет я тяжело заболела. В Москве тогда была последняя вспышка полиомиелита, и мне ошибочно поставили этот диагноз-приговор и должны были госпитализировать. Но бабушка встала у дверей и не пустила скорую даже с милицией, заявив, что ребенка можно забрать только через ее труп. Скорая с милицией отступили, поведав ужасик про мою скорую смерть в муках. Я не умерла и, главное, не заразилась полиомиелитом, спасибо бабушке.

Но голова потом болела долго и противно. Меня положили на обследование в Морозовскую больницу в неврологию. Там лежали мои ровесники после полиомиелита, еле передвигающиеся или лежащие инвалиды. Какое счастье, что эта болезнь в прошлом.

В неврологии я пролежала пару недель. Там меня научили играть в карты и петь душевные песни. А еще у меня нашли какую-то жуткую опухоль в голове.

– Удалять, и срочно, – с этим диагнозом меня перевели в нейрохирургический госпиталь имени Бурденко.

Для начала меня положили в детский изолятор. Это был маленький флигель с зарешеченными окнами. А вокруг бушевал май. Цвела сирень, щебетали птицы. Только они были на воле, а мы, больные дети, в клетке. Мой друг Ленька приехал аж из Новосибирска. Видимо, у него тоже была какая-то жуть в голове, но он был шустрым и деятельным.

– Главное, чтоб голова пролезла, – инструктировал меня друг, – и ты на воле, в саду.

И я полезла. Под руководством Леньки я довольно успешно пролезла до половины. А дальше моя вполне себе толстая попа намертво застряла.

Лучшим нейрохирургом госпиталя был академик Арендт. Его предок лечил Пушкина после дуэли. Задействовав все связи, бабушка добилась, что операцию будет делать он. Академик Арендт никогда не оперировал, лично не осмотрев больного. Это было настоящее медицинское светило. Он входил в палату в окружении свиты в белых халатах. Сестры и врачи трепетали. Даже малейшее нарушение чистоты и дисциплины было невозможно.

Накануне операции академик Арендт, широко шагая, вошел в изолятор. За ним семеняла свита врачей. Он с изумлением взглянул на плотную кучку сестер и нянечек возле окна.

– Где больная Ершанская? – грозно произнес академик.

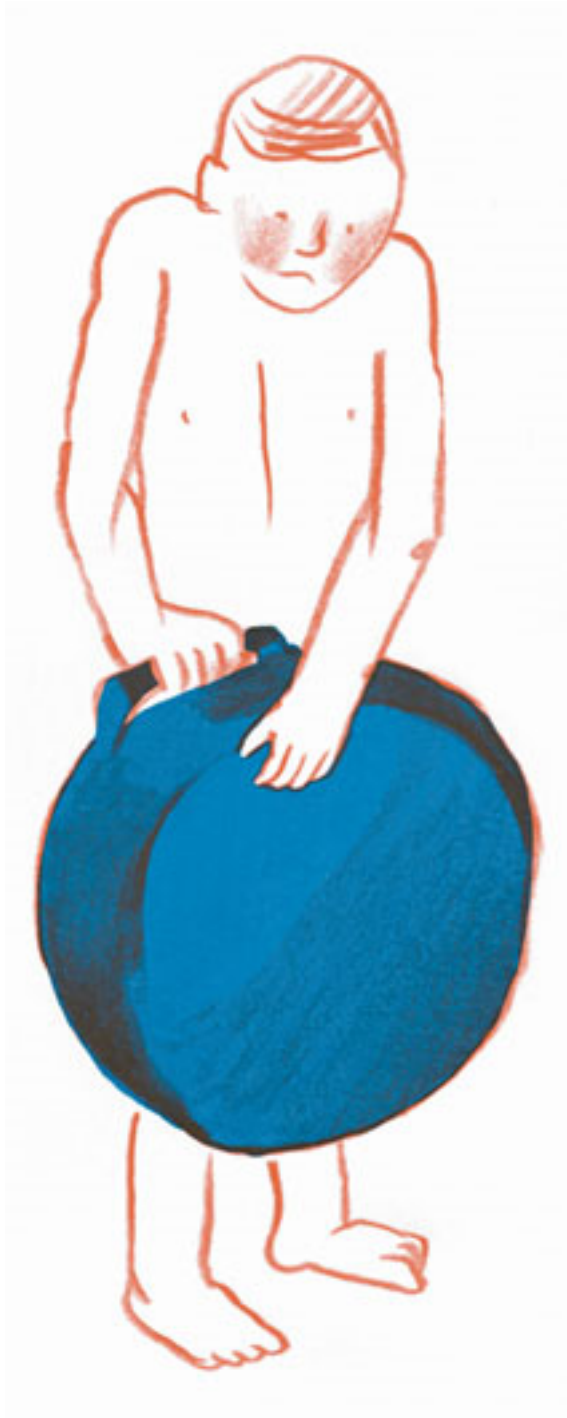
– Вот она, – толпа нянечек и сестер расступилась. Перед академиком возникла задняя половина больной Ершанской, сучившая ножками. Передняя половина была уже довольно давно на воле и издавала всхлипы. При ней неотлучно находился расстроенный Ленька.

– Вот, – объяснил он академику, – застряла.

Академик Арендт был великолепным, сильным мужчиной. Своими руками гениального хирурга он развел прутья решетки и вытащил больную Ершанскую восьми лет без потерь. После краткой беседы с больной на тему, какую конкретно сирень она хотела понюхать, а также узнав о ее играх в салки и прятки с инструктором по вылезанию Ленькой, академик Арендт наотрез отказался оперировать больную Ершанскую. Он сказал, что своим глазам доверяет больше, чем результатам анализов и снимку. Мне всё переделали и выписали, не найдя показаний к операции. Врач Арендт не спас Пушкина. Его потомок академик Арендт спас меня.

Про дуэль Пушкина и его смерть мне рассказала бабушка, уже дома. Я подумала – и раскрасила картинки во всех сказках Пушкина. А его гипсовый бюстик стал очень уместен на моем столе.

Банная шайка

Шайкой в моем детстве называлось не сборище воров, а скромный серенький металлический тазик с двумя ручками. С ним ходили в баню. Фигура с тазиком и веником под мышкой была не редкостью в городском пейзаже. Например, в нашей коммуналке в баню ходили все – ванной не было. Баня была удовольствием, ее любили. Шайки называли шаечками, веники предпочитали березовые, а после бани дома полагалось долго пить чай с вкусным вишневым вареньем.

Про баню рассказывали много небылиц. Были среди них истории и про шайки. Одну из них я запомнила очень хорошо, потому что с разными вариациями слышала ее много раз

и в течение многих лет. Каждый рассказывал ее как очевидец, поэтому история и застряла в голове.

Суть истории такова. Человек (пол не важен) напарился в бане. Устал. Решил домой на метро доехать. Встал на эскалатор, а шайка возьми и упади. И катилась эта шайка по ступеням, пока не тыкалась со всего маху в ноги генералу. Генерал падал попой в шайку и грохотал вниз по эскалатору. Такой вот генеральский бобслей. В этой истории с течением лет шайка из бани сменилась тазиком, купленным в универмаге. Все остальное было неизменно: генерал был толстым, важным, при лампах и папахе. Я слышала эту историю столько раз, что, получалось, каждый генерал, хоть раз в своей жизни спускавшийся по эскалатору, заканчивал это путешествие в банном тазике. Любил наш народ генералов!

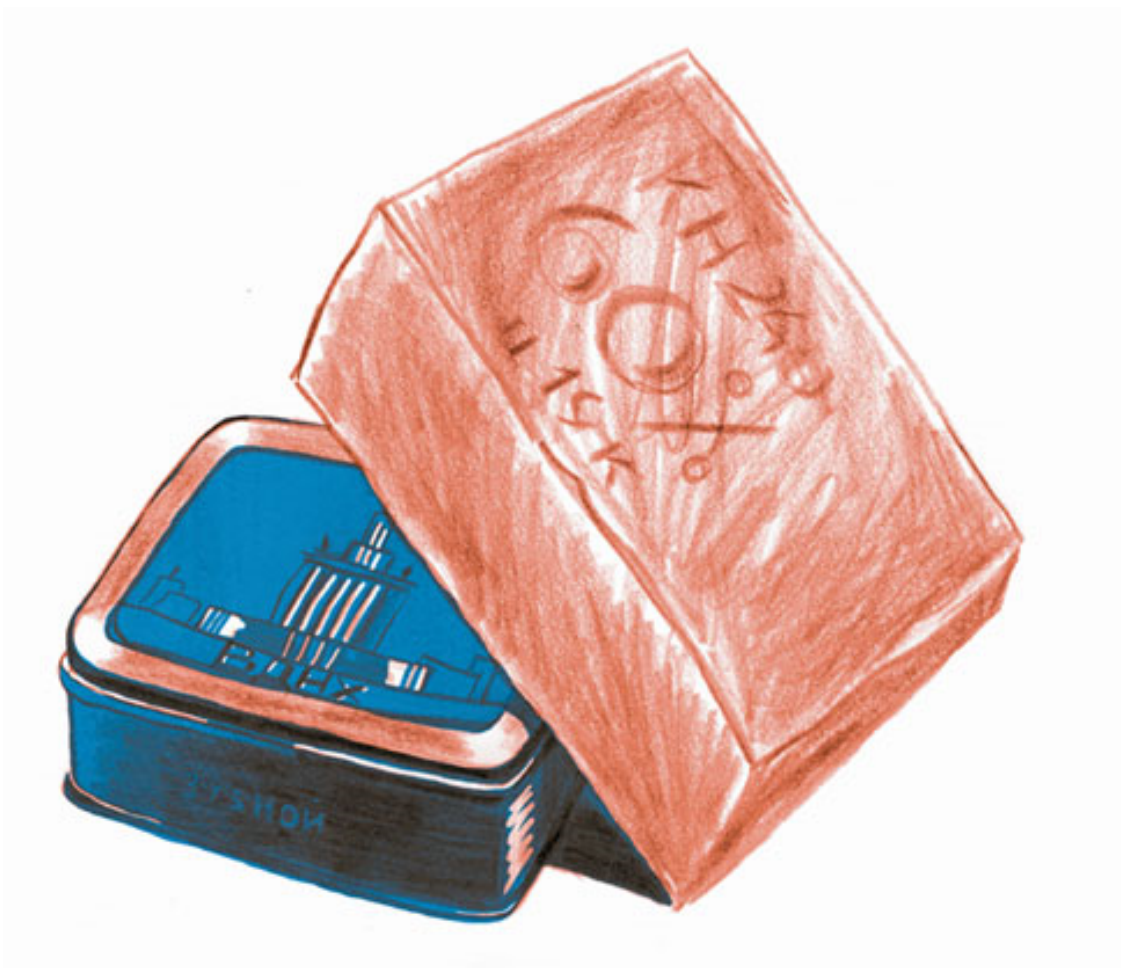
А шайка, выбравшись из-под генерала, продолжала свое скромное служение помыву граждан.

В моей судьбе шайка тоже сыграла почти трагическую роль.

Моя первая любовь в первом классе – Вовка, сосед по парте. Почти шпана. Уважаемый во дворе пацан.

Двор – особая песня. Сарай, сарай, сарай – отопление-то дровяное. Над многими сараями – голубятни. Для меня, девочки из приличной семьи, все это – табу. Одноклассник Вовка – голубятник из другого, параллельного мира. Но точек соприкосновения множество. Одна из них – баня. Общественная баня. Пар, веники, шайки. В женское отделение (я уже одета) приходят Вовкина мама и Вовка. Мужчин в доме нет. Вовку безжалостно раздевают догола и ведут мыться. Голый Вовка жалок. Пытается прикрыть свою позорную наготу шайкой. Шайка с грохотом падает, мать дает Вовке подзатыльник, и Вовка исчезает в облаках горячего пара. Наша любовь не прощает позора встречи в женской бане. Мы разлюбляемся.

У кого-то символ разлуки – белая роза. У нас с Вовкой – банная шайка.

Перьевая ручка

Перьевая ручка – это такой стерженек, похожий на карандашик. Стержень кончается блестящим металлическим пером. То есть оно блестящее, пока его не сунешь в чернила. А как сунешь, нужно сразу писать. А если замрешь на секундочку над листом с поднятым пером, то – караул! – клякса. Писать пером надо было в специальных тетрадках в косую линейку, с нажимом, но разным. Тогда одна часть буквы была толще, другая тоньше. Целое искусство. Называлось чистописание. У меня по нему были тройки и даже – о ужас! – двойки. По всем остальным предметам я училась на «пять». Круглость отличницы портило чистописание. Наверное, поэтому я так хорошо помню эту историю.

В тот день в нашем первом классе ничто не предвещало беды. Был прекрасный солнечный зимний день. Наша учительница Валентина Ивановна вошла в класс, довольно улыбаясь.

– Ребята, – сказала она, – наше советское государство делает вам замечательный подарок. Каждый из вас получит новую тетрадку по чистописанию. Теперь вы должны писать в новых тетрадках только на «пять».

Валентина Ивановна пошла по рядам, лично вручая каждому ценный подарок. Я с трепетом взяла в руки тоненькую тетрадку, но, осмотрев со всех сторон, так и не поняла, что в ней особенного. Бледно-сизого цвета бумажная обложка. На обратной стороне текст гимна и правила октябрят. И все же я приняла ее из рук учительницы как высокую награду.

– А сейчас, – продолжила Валентина Ивановна, – мы все красиво и очень аккуратно напишем свои имена и фамилии на обложке.

Класс дружно сунул перья в чернильницы-непроливайки. Я нежно несла наполненное чернилами перо над обложкой тетради, в уме повторяя имя и фамилию. Вот-вот перо заскользит, с красивым нажимом рисуя букву Е. Но рука предательски дрогнула, и огромная клякса шмякнулась прямо в центр обложки. Государственная тетрадь была безнадежно испорчена. Ужас от содеянного был так велик, что меня просто парализовало. Я тупо смотрела на гигантскую кляксу. Что было дальше, помню смутно. Кажется, никто моей кляксы не заметил. Выйдя из школы со спрятанной на груди под фартуком тетрадкой (наивная надежда: вдруг пятно, согретое моим сердцем, исчезнет), я дала волю слезам. Я рыдала всю дорогу домой. И еще дома долго рыдала, положив тетрадку с кляксой на край стола и боясь к ней прикоснуться, словно к ране. Мама застала меня тихо плачущей в углу дивана.

– Вот, – кивнула я на тетрадку, – мне Родина тетрадку подарила, чтоб я чистописала на «пять», а я кляксу... – охрипшим от горя голосом прошептала я.

Мама скептически посмотрела на государственный подарок.

– Делов-то, – сказала она.

Порылась на полке, достала новую тетрадку в такой же сизой обложке в косую линейку:

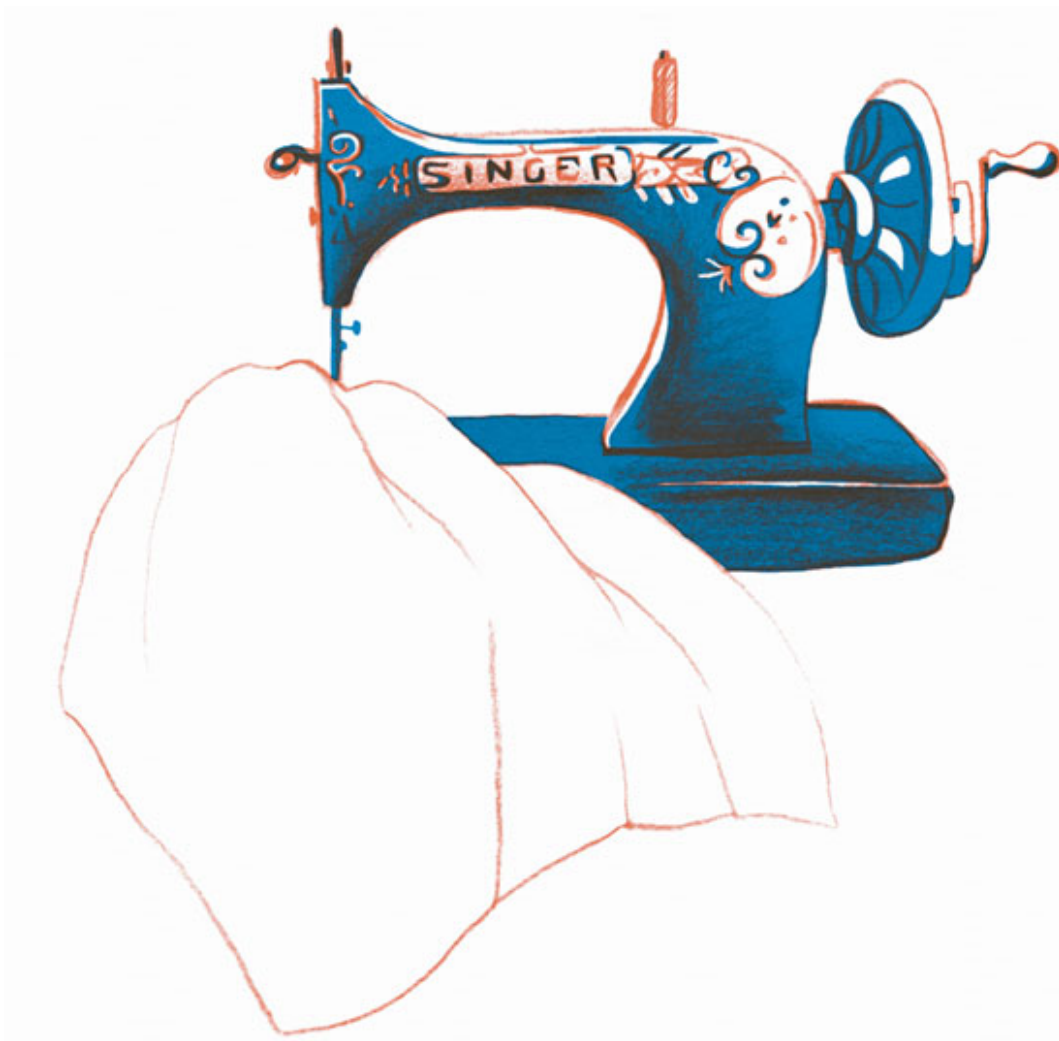
– Вот точно такая же, не реви.

– Нельзя такую же! – взвыла я. – Эту мне наша советская страна не дарила.

– Хорошо, – согласилась мама, – тогда мы просто сменим обложку. – И своими ловкими руками моментально поменяла обложку и промокашку. – На, учись на пять. Радуй родину.

Я трепетно взяла спасенный подарок и, помня о коварстве пера, очень-очень осторожно вывела: Ершанская Саша, 1 «Б». И, счастливая, побежала на коммунальную кухню отмывать руки от чернил. Я оправдала доверие.

Лоскутное одеяло

Одеяла моего детства были тяжелые, ватные, покрытые простроченным блестящим сатином немарких цветов. Может, поэтому я так любила свое разноцветное веселенькое лоскутное одеяльце.

В начале жизни, еще до войны, мое одеяльце было толстым, важным одеялом темно-синего цвета. Одеяло ездило с мамой в эвакуацию, где спасало от холода и неуют, грело и лечило. Вернувшись из эвакуации, одеяло тихо старилось. Блестящий сатин померк и порвался, вата свалилась до плотных комков. И тут маме, очень любившей это одеяло, пришла в голову отличная идея. Она попросила мою крестную тетю Лену (да-да, меня крестили, тайно, как первых христиан, и был крестик, лежавший в шкафу под бельем). Так вот, моя крестная была замечательная портниха. У нее всегда было множество лоскутков. Из крупных мне шились роскошные платья, предмет зависти соседок в нашей коммуналке.

Тетя Лена пришла к нам домой и принесла кучу лоскутков. Еще собрали мои и мамыны старые платья – всё пошло в дело. Тетя Лена недрогнувшей рукой разрезала любимое одеяло, выкинула все комки, а оставшуюся вату простегала сшитым чехлом из лоскутков. Пока тетя Лена шивала лоскутки, она рассказывала о них всякие истории. Я сидела рядом, ушки на макушке.

Вечером меня торжественно укрыли этим одеялом. Я потрогала один из лоскутков, самый красивый, и начала рассказывать его историю, мешая быль и небыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.